

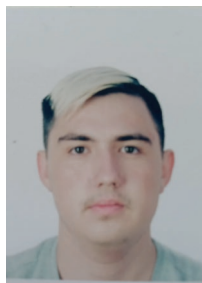

Религиоведение. 2025. № 1. С. 152–159.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2025. No. 1. P. 152–159.

DOI: 10.22250/20728662-2025-1-152-159

Фаряхутдинов А.И.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
xxdank@yandex.ru

Становление японского религиоведения как дискурс «западного» и «японского»

Аннотация. Целью данной статьи является охарактеризовать историю японского религиоведения в призме дискурса западной и японской традиции. Здесь мы имеем в виду рассмотрение не только различий в академических подходах исследования религии, но и предметной области изучения японских религиоведов. Новизна работы заключается в том, что современные отечественные работы по истории религиоведения практически не исследуют развитие дисциплины в

Юго-Восточной Азии; история японского религиоведения и вовсе остаётся неизвестной для России. Данная статья содержит в себе указание на оригинальные работы, написанные в эпоху становления японского религиоведения. Данное исследование базируется на методологии дискурс-анализа Лакло-Муффа, суть которой заключается в том, чтобы определить формирование социальной реальности, в нашем случае религиоведения, с помощью дискурса. То есть представленная работа основана на пост-структуралистском подходе, который вобрал в себе аналитическую философию, структурализм и феноменологию. Также в работе задействованы идеографический метод и хронологический метод. Автор анализирует то, как дисциплина институционализировалась, вытекая из буддологии, впоследствии переходя в привычную для себя форму. В исследовании отражается проблематика дискурсивности японского религиоведения, которая заключалась в конфликте между Масахарой Анэсаки и Нисидой Китаро в понимании подходов исследования: психология и история религии со стороны Анэсаки и философия религии Нисиды. Центральной же для исследования проблемой стал дискурс между «западной» и «японской» традицией, заключившей в себе и методологические особенности, и политическую ангажированность.

Ключевые слова: японское религиоведения, буддология, Масахара Анэсаки, Нисида Китаро, Иноуэ Тэцудзиро, Уно Энку

Aidar I. Faryakhutdinov

Kazan (Volga Region) Federal University
18 Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russia
xxdank@yandex.ru

The Becoming of Japanese Religious Studies as a Discourse of “Western” and “Japanese”

Abstract. The purpose of this article is to characterize the history of Japanese religious studies within the context of Western and Japanese discourses. We mean to consider here not only the differences in academic approaches in studying religion, but also the specific subject matter of Japanese religious studies. The novel aspect of this work lies in the fact that contemporary Russian scholarship on the history of religious studies practically does not explore the development of this field in Southeast Asia, and the history of Japanese religious studies remains unknown in Russia at all. This article provides an overview of original works from the formative period of Japanese religious studies. The study employs a methodology based on Laclos-Mouffe discourse analysis, the essence of which is to determine the formation of social reality, in our case religious studies, by means of discourse. That is, the work is based on a post-structuralist approach that incorporates analytical philosophy, structuralism, and phenomenology. Also, ideographic and chronological methods are involved in the work. The paper traces the way the discipline has institutionalized itself, emerging from Buddhology and later evolving into its current form. The author reflects on the problematic discourse of Japanese religious studies, which consisted in the conflict between Masahara Anesaki and Nishida Kitaro regarding their approaches to psychology and history of religion, as well as their respective philosophies of religion. However, the central issue of the study is the discourse between the “Western” and “Japanese” traditions, which encompasses both methodological differences and political engagement.

Key words: Japanese religious studies, Buddhology, Masahara Anesaki, Nishida Kitaro, Inoue Tetsujiro, Uno Enku

Буддология как предтеча японского религиоведения

Если рассматривать вопрос о том, с чего же начались академические исследования религии в Японии, необходимо обратиться к истории другой дисциплины, именуемой *буддология*. Традиция изучения восточных религий, таких как конфуцианство, даосизм, индуизм и буддизм началась ещё до образования религиоведения. Лекции по буддизму в Токийском императорском университете были впервые проведены в 1879 г. на кафедре японской и китайской литературы преподавателем Хара Танзан [Киётака Кимура, 2001, 533]. Вскоре эти лекции переросли в полноценное направление буддийских исследований в рамках упомянутой кафедры.

Позднее в том же 1879 году произошла реорганизация университета, в результате которой индийская и китайская философии ушли под юрисдикцию непосредственно факультета философии [Хаяси Дзюн, 2009, 115]. Здесь мы можем говорить о начале формирования философии религии. Там же продолжились лекции Хары в виде курса индийской философии, и началось преподавание санскрита от Нандзё Фумио, ранее преподаваемого Максом Мюллером, находившимся за границей. Процесс реорганизации продолжился, и в последующие годы Иноуэ Тэцудзиро сформировал концепцию «восточной философии», тем самым разделив исследовательское направление на западное и восточное. Фоном для предложения концепции стало ощущение кризиса, связанного с ростом влияния христианства в обществе и распространения западной науки, а также фактом преподавания религии в государственном университете. Особенно это было актуально в свете существования инструкции №12 (1899), которая запрещала религиозное образование в светских учебных учреждениях. Таким образом, Иноуэ развеял все опасения, сделав буддизм и конфуцианство предметом сугубо научного исследования, где они изучались не столько как религиозные системы, сколько как философские.

С 1884 по 1889 гг. Иноуэ проходил обучение в Германии. Когда же он вернулся в Японию, то занял должность профессора и начал преподавать курс «Сравнительное религиоведение и восточной философии» [Джуничи Исомаэ, Хара Такахаши, 2003, 55]. В 1898 году Масахара Анэсаки – будущий отец японского религиоведения – возглавил кафедру своего учителя Иноуэ. Анэсаки сам несколько лет обучался за границей, его научные интересы также вращались вокруг исследований индийского буддизма. Из-под его пера вышли такие работы, как «История индийских религий» [Масахара Анэсаки, 1900б, 161] под редакцией того же Иноуэ, «История буддийских писаний» [Масахара Анэсаки, 1899, 105] и многое другое. Студенты под руководством Анэсаки стали изучать этнологию и социологию, также в рамках их обучения было проведено разграничение между буддологией и религиоведением.

Впоследствии направление продолжило разветвляться. Исследования в императорских университетах были направлены на углублённое изучение буддийских писаний с оглядкой на западную литературу, тогда как непосредственно буддийские учебные учреждения сосредоточились на священных писаниях, оставшихся после основателей секты, а также чтении и аннотировании писаний Махаяны. Так же там изучался санскрит и китайская классика. Как известно, представители китайской и японской литературы долгое время составляли ядро интеллигенции Японии, но с открытием страны акцент постепенно сместился на западную научную традицию. Изучение китайского и японского стало уступать место изучению немецкого, английского и французского языков. Так со временем мир буддийских исследований стал миром запада, так как в императорских университетах начали преподавать те, кто ранее обучался за границей. Тем не менее старая традиция исследования не исчезла полностью, сосуществуя с «западной».

Истоки дискурса «западного» и «японского» в религиоведение

А теперь вернёмся к теме истории религиоведения, а именно к тому моменту, когда Масахара Анэсаки возглавил кафедру. В том же 1898 году [Факультет религиоведения, Университет Токио] в Токийском императорском университете Анэсаки провёл лекцию «Введение в религиоведение» [Масахара Анэсаки, 1900а, 610].

Это событие и считается точкой отсчёта в истории японского религиоведения.

В труде «Введение в религиоведение» Анэсаки утверждает, что миссия религиоведения состоит не в том, чтобы исследовать происхождение различных религий путём сравнения, как это делал Мюллер, а в выяснении характеристик и развития религий в целом [Масахара Анэсаки, 2002, 7]. Анэсаки провозглашает научное изучение религии, говоря: «Научное исследование – это исследование, которое изучает тип явления и его факт в процессе формирования и трансформации» [Масахара Анэсаки, 2002, 4]. Что касается метода сравнительного исследования, то он считается необходимым, наряду с историческими исследованиями, для изучения религии, которая является продуктом человеческой культуры и феноменом, развивающимся и изменяющимся с развитием человечества.

Ниже перечислены некоторые из тем ранних лекций и имён лекторов. «Мистицизм» (Анэсаки, 1903), «Введение в религию с особым упором на буддизм и христианство» (Анэсаки, 1904), «Буддийские верования и характер Будды» (Анэсаки, 1905), «История развития христианства» (Кёбель, 1905, 1906), «Введение в религию» и «Вера в божественного человека» (Анэсаки, 1906), с 1910 года к ним добавились «Синтоистские исследования» (Като Гэнтчи) [Хара Такахаши, 2014, 13].

Уже в 1905 году в упомянутом выше университете на отделении философии была сформирована кафедра религиоведения, где сам Анэсаки был назначен доцентом. Спустя два года в мае 1907 г. Киотский императорский университет основал свой курс, где преподавал профессор Бунзабуро Мацумото [Введение, <https://www.bun.kyoto-u.ac.jp/religion/rel-intro/>].

Уже на заре развития дисциплины, у истоков которой стояли Анэсаки и Иноуэ, наука сформировала два противоположных мнения. В лекциях обоих учёных звучала мысль о врождённой природе религии, но её истоки они видели по-разному. Иноуэ рассматривал эту врождённую природу как нечто иррациональное, то, что переросло в мораль. Анэсаки же вёл полемику с коллегой с коллегой, обращая эту иррациональность в уникальную психологическую активность человека, отличную от морали. В итоге его идея «специфики религии» одержала вверх и встала в центр дискурса. Процессы, которые происходили внутри дисциплины, во многом схожи с теми, что были на западе – и России в частности. Религиоведение по мере своего развития становилось двойственной структурой, где, с одной стороны, оно выстраивало диалог с богословско-научным дискурсом, а с другой – с иными гуманитарными дисциплинами, которые могли плавно влиться в науку о религии – и наоборот.

В первые годы японское религиоведение было сосредоточено вокруг религиозного опыта как ядра понимания религии. Анэсаки, например, в 1903 году опубликовал мемуары о своих мистических переживаниях. Но и в этом отношении дисциплина показала свою неоднородность. Точнее, дало о себе знать различие между Токийским и Киотским подходом. В 1911 году Нисида Китаро – в дальнейшем профессор в Киотском университете – опубликовал свой первый труд «Исследования добра» [Нисида Китаро, 1911, 146], в которой излагал субъект-объектное неравноправие «чистого опыта». В нём Нисида анализировал отношения между личностью и субъект-объектной недифференцированной реальностью вне личности не через реальную религию, а на основе философских рассуждений о внутренней жизни «я». В этом контексте Нисида рассматривал религию как продукт субъективного сознания человека. Такой подход разительно отличался от подхода Анэсаки, который стоял на позиции постижения религии как психологического факта человека через эмпирические описания. Можно сказать, что в Японии произошло явное расхождение между эмпирическим научным изучением религии, основанным на психологии; и философией религии. Позиции двух школ продолжали расходиться в 20-е годы XX в. в зависимости от того, принимали они критику психологизма неокантианской школы, охватившую японский философский мир; или нет.

Можно судить о том, что с Анэсаки и Нисиды и началась дихотомия «западного» и «японского». Взгляды отца японского религиоведения тяготели к западным. Возможно, это связано с тем, что сам Анэсаки обучался за границей и слишком сильно проникся западной методологией исследования. В то время восточный взгляд на реальность считался отсталым и нелогичным в сравнении с продвинутой западной философией. И такое пренебрежительное отношение к родной культуре пришлось

Нисида не по душе. Это отражается в его «философии диалога», описанной в труде «Проблемы японской культуры» [Нисида Китаро, 1945, 151]. В ней раскрывается проблема диалога двух культур: западной и японской, которая объясняется понятиями «もの» (моно) и «こと» (кото). Первое можно перевести как «вещь», второе же как «предметы». Однако более точный перевод этих философских понятий требует отдельного исследования, поэтому мы не станем углубляться в проблему адекватной для западного человека передачи значения этих слов. Нисида считает, что западная культура, в которую он включает религию, мораль и образ мышления, привела общество к тупиковой ситуации, когда научная мысль, поражённая «западом», создала технологии, способные уничтожить человечество. И выходом из этого тупика Нисида называет восточное мышление.

Пусть Нисида и был сотрудником кафедры всего один год, но его размышления привлекли многих молодых учёных. Сано Кацуя из университета Кюсю отказался от психологии религии и обратился к философии религии, чтобы приблизиться к проблеме реальности, а Судзуки Мунечу из университета Тохоку также подверг критике психологизаторские тенденции религиоведения Тиле и попытался переосмыслить их в ключе философии. Хатано Сейити из Киотского университета, сменивший Нисиду, также перешёл от либерально-теологической интерпретации христианства к философии религии, в центре которой находится опыт реальности. Так, философия религии вытеснила эмпирическую науку о религии, которая продолжала развиваться в Токийском университете.

Развитие дискурса в первой половине XX в.

После 20-х годов XX в. количество кафедр и курсов религиоведения стремительно росло. В 1922 г. курс появился в императорском университете Тохоку на отделении права и литературы, в 1925 г. в Императорском университете Кюсю, а в 1927 г. в Императорском университете Кёнсон появилось аналогичное направление. Постановление об университетах от 1922 г. преобразило частные технические колледжи в университеты, кафедры религиоведения были созданы в университетах Риккё (1922 г.), Риссё (1924 г.) и Тайсё (1926 г.).

Становление религиоведения в первой половине XX в. происходило в период после реставрации Мейдзи. Это время характеризуется нарастающей волной национализации государства, возрастанием роли идеологии государственного синто, и, как следствие, разработкой теории нерелигиозных святынь. Несмотря на, казалось бы, государственный контроль и продвижение японских ценностей со стороны правительства, теоретический интерес исследователей религии был нацелен на изучение «западного», в которое входило христианство, буддизм и ислам. Именно в период Мейдзи начались академические исследования христианства.

Масахару Анэсаки также занимался исследованием христианства. В ряде его работ, таких как «Религиозная литература киришитанов» [Масахару Анэсаки, 1931, 380] и «Продвижение кириштанского евангелизма» [Масахару Анэсаки, 1930, 449] использовались японские переводы исторических документов Мураками и других авторов. Так, проходил процесс систематизации истории японского христианства.

В 1940-е гг. появились такие публикации, как «Изучение обычаев нанбана» Акио Окады [Акио Окадо, 1942, 312], в которой данная тема рассматривалась с точки зрения фольклора, «Изучение языка киришитанов» Тадао Дои [Тадао Дои, 1942, 387] и «Изучение истории киришитанов» Аримичи Эбисавы [Аримичи Эбисава, 1942, 372], для которых оказалась важна междисциплинарная специфика направления. Мы можем говорить, что в довоенный период японское религиоведение уже было ориентировано на изучение христианской традиции как на территории государства, так и вне его. Здесь можно отметить влияние западного мира, в частности, американской англиканской церкви. При её финансовой поддержке в университете Риккё в 1922 году была основана кафедра религиоведения, где преподавались дисциплины, в рамках которых изучался Ветхий, Новый Завет и история христианства [Хаяси Дзюн, 2009, 122].

Что касается исследований ислама, то в 1938 г. в рамках японской «исламской политики» был создан Институт изучения исламского мира, который возглавил Тосихику Идзучу [Киеко Обусе, 2017, 143]. В годы войны содержание исламистских

трудов стало более всеобъемлющим. В них чётко прослеживалась политическая значимость ислама для Японии, и в целом ислам оценивался положительно. Так же прослеживалось стремление создать уникальное японское исламоведение без влияния Запада и пересмотр таких стереотипов, как «ислам распространялся мечом» или «ислам угнетает женщин». Были опубликованы переводы Корана на японский язык, но стоит признать, что они были выполнены с европейскоязычных переводов. Немало японских дискуссий об исламе в военное время было написано с точки зрения так называемого государственного синто.

Как было сказано выше, ранее японское религиоведение направило все свои силы на проработку западного направления, на то, что не являлось исконно японским: синто, архаичные местные верования, ритуалы и мифология. В этом контексте стоит упомянуть этнологию, которая в довоенный период не пользовалась особой популярностью. Она стояла особняком от академических наук, во многом благодаря своим корням, уходившим к Янагиде Кунио. Его также называют пионером японского фольклора. Он внёс значительный вклад в изучение сугубо японской традиции, при этом будучи знаком с тем, как ведутся исследования на западе. Его труды «Рассказы из Тоно» (1910) [Кунио Янагида, 2020, 318–326] и «Мысли по поводу синто» (1918) [Кунио Янагида, 2020, 326–347] заложили фундамент для этнологии и изучения японской религиозной системы. Также они послужили определённого рода рычагом популяризации исследования местной культуры.

После 30-х годов XX в. постепенно в религиоведении Японии начиналось движение, смещение акцентов с религиоведения и философии религии с немецким философским подтекстом Анэсаки и Нисиды Китаро на антропологию и социологию религии под влиянием Малиновского и Дюркгейма. Причиной этому стал сдвиг в понимании природы религии в русле этнографии и фольклористики. Также одной из движущих сил этого процесса можно отметить популяризацию идеи «нового японского духа» Эбины Дандзё и попытки японских христианских философов, таких как Ватасэ Цунэкити и Отани Митака, выстроить определённого рода синто-христианский синкретизм. Появилась и новая тенденция осмысления религиозного опыта через физические практики, такие как аскетизм. Тут мы хотели бы обратиться к религиозному фольклористу Уно Энку и его трудам «Рисовые ритуалы в Малазии» [Уно Энку, 1944, 384] и «Национальный дух Восточной Азии и аграрная культура» [Уно Энку, 1945].

Уно был учеником Анэсаки и приверженцем Токийской школы. Его работа является не только примером того, какую риторику вело религиоведение того периода, но и как политическая обстановка могла определять ход исследования. Здесь стоит отметить, что нам неизвестно, каких взглядов придерживался сам Уно, поэтому мы не можем рассуждать о его политической ангажированности. В своей работе он исследовал малазийские ритуалы на предмет совпадения с рисовой культурой самой Японии. И пришёл к выводу, что народы Восточной Азии имеют сильное сходство на почве культуры риса и культа предков. На основе этого он сделал вывод, что они должны руководствоваться японским духом, который имеет принципы отличные от принципов христианства и других монотеистических религий. Он также писал:

«Для того чтобы повести за собой заинтересованные народы к установлению нового порядка в Восточной Азии, мы должны понимать и уважать их национальный дух, и, прежде всего, мы должны заставить их полностью понять наш японский дух, который является руководящим принципом для всего региона, и привести их к согласию и подчинению ему. Это нечто большее, чем принуждение силой или сотрудничество из интереса. Если конечная цель состоит в том, чтобы привести восточноазиатские народы к такому моральному союзу, то совершенно необходимо изложить японский дух внешнему миру и заложить основы его истинности так, чтобы в этом убедились даже разные народы» [Уно Энку, 1945, 3].

Если углубиться в работу Уно, то можно увидеть переосмысление концепции Вильгельма Шмитта о «культурной сфере» в концепцию однородности определённых «этнических групп», основанной на религии и включённой в дискурс о поддержке колониализма. В том же контексте Уно описывает чувство «благоговения», которое имеет схожие черты с нуминозным Рудольфа Отто. Оно, по мнению Уно,

легло в основу коллективных физических/телесных практик, присущих как нецивилизованным, так и этническим религиям [Уно Энку, 1945, 122–154].

Как реакция на эти интенции была создана Японская ассоциация религиоведов. Уже в этот период стало набирать обороты направление историографии, где сами религиоведы пытались систематизировать и осмыслить собственную историю. Было проведено несколько глубоких исследований, посвящённых истории каждого университета. Исследователи истории в Токийском университете тогда начали задаваться вопросом: «Какими особенностями обладает японское религиоведение?». Но эти изыскания нельзя назвать отражением целостной картины по одной простой причине: японское религиоведение не являлось целостным образованием. Оно представляло собой комплекс разнообразных дисциплин, которые обычно и называли единым словом «религиоведение». Однако при детальном рассмотрении картина кардинально меняется. Токийский университет больше интересовался историей религии, а Киотский университет в качестве своего научного направления выбрал философию религии, институционально оставаясь факультетом религиоведения.

Заключение

Таким образом, единый термин «религиоведение» в Японии пусть и существовал, но сложился путём включения в него самых разных научных направлений. Кроме того, если принять во внимание упадок и ослабление академических тенденций с течением времени и различия в академических стилях между университетами, то становится ясно, что это далеко не монолитный дискурс с общей установкой «специфики религии». Японское религиоведение формировалось на поле западного и японского подходов. Мы попытались наглядно показать процесс их синтезирования.

В истории японского религиоведения видна тенденция преемственности. Доакадемическая история начинается с имени буддолога Хары Танзана, который был учителем философа Иноуэ, он же в свою очередь вырастил отца-религиоведа Анэсаки.

В начале мы выделили «противоборство» Анэсаки и Нисиды о природе религии и обозначали его как дискурс о «западном» и «японском» в смысле выработки подходов к исследованию религии. Анэсаки очевидно оказался последователем немецкой школы религиоведения, пусть и с японским акцентом. Здесь мы имеем ввиду его частичную переработку идей Мюллера и некоторую политическую ангажированность. Нисиду же считают первым японским философом, который занимался изучением проблематики с позиции японского мировоззрения и мироощущения.

Дальнейшие исследования японцев-религиоведов преимущественно были сосредоточены на изучении христианства, однако нельзя не отметить и проработку ислама, пусть и с подачей государственного синто. Эти исследования смело можно подвести под дискурс «запада», так как изучение синто или японского буддизма разрабатывались не так активно. Картина меняется после 30-ых годов XX в., когда политическое влияние и идея уже не государственного, а «имперского» синто всё сильнее охватывает научный мир. Запад начинает изучаться с позиции Японии, японского духа и менталитета. Именно в этот период «японский» дискурс начинает преобладать, и его мы показали в риторике религиозного фольклориста Уно Энку.

Стоит признать, что есть ещё много аспектов, которые требуют изучения. В их число входит и политическое влияние довоенного периода, и упадок национального самосознания после поражения в войне, и даже инцидент с «Аум Синрекё». В данной статье рассматривается только первая половина XX века и ограниченный круг дискурсов, которые существовали в религиоведческом обществе. Мы постарались показать то, как японское религиоведение академически развивалось, как постепенно появлялись курсы и кафедры, и как они впоследствии институализировались в индивидуальные научные направления.

Библиографический список

1. Акио Окадо. Изучение обычаев нанбана / Акио Окадо. – Токио: Дзиндзин Шокан, 1942. – 312 с. (岡田章雄. 南蛮宗俗考. 東京: 地人書館, 1942. 312頁).

2. Аримичи Эбисава. Изучение истории киришитанов / Аримичи Эбисава. – Риккё: Унэбо, 1942. – 372 с. (海老沢有道. 切支丹史の研究. 立教: 叡傍書房, 1942. 372頁).
3. Введение и история лаборатории [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.bun.kyoto-u.ac.jp/religion/rel-intro/> (дата обращения 14.11.2023). (研究室の紹介・歴史)
4. Джуничи Исомаэ. Материал лекции Тэцудзиро Иноуэ «Сравнительное религиоведение и восточная философия» – Комментарий и транскрипция / Джуничи Исомаэ, Хара Такахаша // Журнал истории Токийского университета / Под редакцией Архива Токийского университета (21). – 2003. – 55 с. (磯前 順一, 高橋 原. 資料 井上哲次郎の「比較宗教及東洋哲学」講義—解説と翻刻 / 東京大学史紀要 // 東京大学文書館 編 (21). 2003. 55頁).
5. Киеко Обусе. Взаимное признание между буддистами и мусульманами: с акцентом на перспективы японского буддизма / Киеко Обусе // Рабочий документ № 16–10 Центра по изучению буддийских культур Азии Университета Рюкоку, 2017. – С. 139–153. (小布施祈恵子. 仏教徒とムスリムの相互認識: 日本仏教からの視座を中心に / 龍谷大学アジア仏教文化研究センター ワーキングペーパー No.16-10. 2017. 頁. 139–153).
6. Киётака Кимура. Танзен Хара и рождение «индийской философии»: Сквозной срез современной японской буддийской истории / Киётака Кимура // Индо-буддийские исследования, – 2001. – Том 49. – №2. – С. 553–541. (木村清孝. 原坦山と「印度哲学」の誕生—近代日本仏教史の一断面— / 印度學佛教學研究, 2001. Vol.49. No.2. 頁. 533–541).
7. Кунио Янагида. Мысли по поводу Синто / Кунио Янагида // Мещяреков А.Н. Остаться японцем: Кунио Янагида и его команда. Этнология как форма существования японского народа / Пер. Н.А. Невского. – М.: Лингвистика, 2020. – С. 326–347.
8. Кунио Янагида. Рассказы из Тоно / Кунио Янагида // Мещяреков А.Н. Остаться японцем: Кунио Янагида и его команда. Этнология как форма существования японского народа. – М.: Лингвистика, 2020. – С. 318–326.
9. Масахара Анэсаки. Введение в религиоведение / Масахара Анэсаки – Токио: Токио Сенмон Гакко Шуппанбу, 1900. – 610 с. (姉崎正治. 宗教学概論. 東京: 東京専門学校出版部, 1900. 610頁).
10. Масахара Анэсаки. История буддийских писаний / Масахара Анэсаки. – Токио: Кэйсэй Сёин, 1899. – 105 с. (姉崎正治 著. 仏教聖典史論. 東京: 経世書院, 1899. 105頁).
11. Масахара Анэсаки. История индийских религий / Масахара Анэсаки. – Токио: Хакубункан, 1900. – 161 с. (姉崎正治 著. 上世印度宗教史. 東京: 博文館, 1900. 161頁).
12. Масахара Анэсаки. Продвижение кириштанского эвангелизма / Масахара Анэсаки. – Токио: Добункан, 1930. – 449 с. (姉崎正治. 切支丹伝道の興廃. 東京: 同文館, 1930. 449頁).
13. Масахара Анэсаки. Религиозная литература кириштан / Масахара Анэсаки. – Токио: Добункан, 1932. – 380 с. (姉崎正治. 切支丹宗教文学. 東京: 同文館, 1932. 380頁).
14. Масахара Анэсаки. Серия «Японское религиоведения» (Том 9): сборник эссе и комментариев / Масахара Анэсаки // Под ред. Сусумо Симадзоно. – Токио: Кресс Пабблишинг, 2002. – 320 с. (姉崎正治. シリーズ日本の宗教学姉崎正治集〈第9巻〉論文集・解説姉崎正治/島蘭進. 東京: クレス出版, 2002. 320頁).
15. Нисида Китаро. Исследования добра / Нисида Китаро. – Киото: Кодокан, 1911. – 146 с. (西田幾多郎 著. 善の研究. 京都: 弘道館, 1911. 146頁).
16. Нисида Китаро. Проблемы японской культуры / Нисида Китаро. – Токио: Иванами Шотен, 1945. – 151 с. (西田幾多郎 著. 日本文化の問題. 東京: 岩波書店, 1945. 151 頁).
17. Тадао Дои. Изучение языка киришитанов / Тадао Дои. – Осака: Ясубунша, 1942. – 387 с. (土井忠生. 吉利支丹語学の研究. 大阪: 靖文社, 1942. 387頁).
18. Уно Энку. Национальный дух восточной Азии и аграрная культура / Уно Энку // Серия «Преподавание и обучение» (10); Бюро преподавания и обучения, Министерство образования, 1945. (宇野円空. 東亜民族精神と農耕文化 (10) / 教学叢書, 文部省教学局).
19. Уно Энку. Рисовые ритуалы в Малазии / Уно Энку. – Никко Сёин, 1944. – 384 с. (宇野円空. マライシアに於ける稲米儀礼 日光書院, 1944. 383 頁).
20. Факультет религиоведения, Университет Токио [Электронный ресурс]. – URL.: <http://www.l.u-tokyo.ac.jp/religion/> (дата обращения 14.11.2023). (東京大学宗教学研究室)
21. Хара Такахаша. Развитие религиоведения в императорских университетах (Тохоку) / Хара Такахаша // Ежегодный обзор религиозных исследований, Токийский университет, том 30, специальный выпуск. – 2014. – С. 11–27. (高橋原. 帝国大学における宗教学の展開 (東北編) / 東京大学宗教学年報巻 30, 2014. 頁. 11–27).
22. Хаяси Дзюн. Запрет на религиозное образование и изучение религии и буддизма в Японии / Хаяси Дзюн // Японские исследования по всему миру 2008, – 2009. – С. 115–125. (林 淳. 宗教教育の禁止と日本の宗教学・仏教学 / Japanese studies around the world 2008, 2009. 頁.115–125).

Текст поступил в редакцию 20.06.2024.

Принят к печати 19.08.2024.

Опубликован 27.03.2025.

References

1. Akio Okado. *A study of the customs of the nanban*. Tokyo: Jinjin Shokan, 1942, 312 p. (in Japanese).
2. Arimichi Ebisawa. *A study of the history of the Kirishitans*. Rikkyo: Unebo, 1942, 372 p. (in Japanese).
3. *Department of Religious Studies, University of Tokyo*. Available at: <http://www.l.u-tokyo.ac.jp/religion/> (accessed on November 14, 2023) (in Japanese).
4. Hara Takahashi. Development of Religious Studies in Imperial Universities (Tohoku). *Annual Review of Religious Studies*. University of Tokyo. Vol. 30, Special Issue. 2014, pp. 11–27 (in Japanese).
5. Hayashi Jun. The ban on religious education and the study of religion and Buddhism in Japan. *Japanese Studies Around the World*. 2008, 2009, pp. 115–125 (in Japanese).
6. *Introduction and history of the laboratory*. Available at: <https://www.bun.kyoto-u.ac.jp/religion/rel-intro/> (accessed on November 14, 2023). (in Japanese).
7. Junichi Isomae, Hara Takahashi. Tetsujiro Inoue's lecture material "Comparative Religious Studies and Eastern Philosophy" – Commentary and transcription. *Journal of the History of the University of Tokyo*; Edited by the Archives of the University of Tokyo (21). 2003, 55 p. (in Japanese).
8. Kieko Obuse. Mutual recognition between Buddhists and Muslims: focusing on the perspectives of Japanese Buddhism. *Working Paper No. 16–10 of the Center for the Study of Buddhist Cultures of Asia*. Ryukoku University, 2017, pp. 139–153 (in Japanese).
9. Kiyotaka Kimura. Tanzen Hara and the birth of "Indian philosophy": A cross-section of modern Japanese Buddhist history. *Indo-Buddhist Studies*. 2001, vol. 49, no. 2. pp. 553–541 (in Japanese).
10. Kunio Yanagida. Mysli po povodu Sinto [Thoughts on Shinto] in Meshchyarekov A.N. *Ostat'sya yaponcem: Kunio Yanagida i ego komanda. Etnologiya kak forma sushchestvovaniya yaponskogo naroda* [Remain Japanese: Kunio Yanagida and his team. Ethnology as a form of existence of the Japanese people]. Moscow: Lingvistika, 2020, pp. 326–347 (in Russian).
11. Kunio Yanagida. Rasskazy iz Tono [Stories from Tono] in Meshchyarekov A.N. *Ostat'sya yaponcem: Kunio Yanagida i ego komanda. Etnologiya kak forma sushchestvovaniya yaponskogo naroda* [Remain Japanese: Kunio Yanagida and his team. Ethnology as a form of existence of the Japanese people]. Moscow: Lingvistika, 2020, pp. 318–326 (in Russian).
12. Masahara Anesaki. *History of Buddhist scriptures*. Tokyo: Keisei Shoin, 1899, 105 p. (in Japanese).
13. Masahara Anesaki. *History of Indian religions*. Tokyo: Hakubunkan, 1900, 161 p. (in Japanese).
14. Masahara Anesaki. *Introduction to religious studies*. Tokyo: Tokyo Senmon Gakko Shuppanbu, 1900, 610 p. (in Japanese).
15. Masahara Anesaki. *Japanese religious studies series (Vol. 9): a collection of essays and commentaries*. Edited by Susumo Shimazono. Tokyo: Kress Publishing, 2002, 320 p. (in Japanese).
16. Masahara Anesaki. *Kirishitan religious literature*. Tokyo: Dobunkan, 1932, 380 p. (in Japanese).
17. Masahara Anesaki. *Promotion of Kirishitan evangelism*. Tokyo: Dobunkan, 1930, 449 p. (in Japanese).
18. Nishida Kitaro. *Problems of Japanese culture*. Tokyo: Iwanami Shoten, 1945, 151 p. (in Japanese).
19. Nishida Kitaro. *Studies on goodness*. Kyoto: Kodokan, 1911, 146 p. (in Japanese).
20. Tadao Doi. *A study of the language of the Kirishitan*. Osaka: Yasubunsha, 1942, 387 p. (in Japanese).
21. Uno Enku. *East Asian national spirit and agrarian culture*. Teaching and Learning Series (10). Bureau of Teaching and Learning, Ministry of Education, 1945, (in Japanese).
22. Uno Enku. *Rice rituals in Malasia*, Nikko Shoin, 1944, 384 p. (in Japanese).

Submitted for publication: July 20, 2024.

Accepted for publication: August 19, 2024.

Published: March 27, 2025.